

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

© 2026 А. М. Любомудров
Санкт-Петербург, Россия

«ВЫ ТАК ВОЛШЕБНО УМЕЕТЕ ПОКАЗАТЬ НАМ РУССКУЮ ДУШУ...» ПИСЬМА Г. В. МЕСНЯЕВА К И. С. ШМЕЛЕВУ (1949–1950)

Аннотация. Впервые вводятся в научный оборот письма критика и публициста русского зарубежья Г. В. Месняева к И. С. Шмелеву. Они дают представление о том, сколь значимыми были личность и творчество Шмелева для национально ориентированной части русской эмиграции. В письмах обнаруживается концептуальный взгляд Г. Месняева на книги Шмелева, увидевшего в них художественно-религиозное осмысление России. В представлении критика Шмелев – писатель, занимающий особое место в русской литературе, глубоко чувствующий Россию, проникший в глубины ее духа, раскрывший душу народа и русского человека.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, Г. В. Месняев, русское зарубежье, русская литература, переписка.

Ссылка при цитировании: Любомудров А. М. «Вы так волшебным образом умеете показать нам русскую душу...» Письма Г. В. Месняева к И. С. Шмелеву (1949–1950) // Традиции и современность. 2026. № 44. С. 78–86

Любомудров Алексей Маркович (Lyubomudrov Alexey Markovich) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, эл. почта: anketaspb@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 44. С. 78–86

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 394.91; 82-311.2/82-312.2; ББК – 63.3(2)46; 64-36; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-44/78-86>

«Я считаю, что наше прошлое, своеобразие нашего быта – должны быть очищены от тех наслоений клеветы, лжи и искажений, которые, увы, накапливались поколениями русской интеллигенции, оторвавшейся от народа, ему непонятной и чуждой. И вот поэтому Ваше творчество, раскрывающее народную душу, показывающее то, что было истинно ценно в русском человеке, – мне особенно близко, дорого и ценно», – так оценил значение Ивана Шмелева в своем первом письме к нему критик и публицист Г. В. Месняев. Заочное знакомство двух литераторов русского зарубежья, принадлежавших к разным «волнам» эмиграции, состоялось в конце 1940-х годов.

Судьба Григория Валериановича Месняева (1892–1967) была драматична. Он родился в Туле, участвовал в Первой мировой войне, в 1919 г. вступил в ряды Белой армии. В 1920–1930-х годах жил в Ростове-на-Дону, занимался вопросами здравоохранения. В годы массовых репрессий уцелел, но его сестра была арестована и на десять лет отправлена в лагерь, ее мужа расстреляли. В 1942 г. Месняев оказался на оккупированной территории и через год вместе с семьей выехал в Баварию. После пребывания в лагере для перемещенных лиц жил в Германии, в 1949 г. переехал в США. Выступал как публицист и литературный критик в редактируемой им газете «Россия» (Нью-Йорк), в изданиях «Наша страна» (Буэнос-Айрес) и «Возрождение» (Париж). Автор книг «За гранью прошлых дней» (1957), «Поля неведомой земли» (1962), «По следам минувшего» (1965). В 1963 г. был избран председателем Пушкинского общества Америки.

«Главным делом своей жизни Григорий Месняев избрал проповедь русской культуры среди соотечественников, вольно и невольно оказавшихся вдали от родной земли, и молодого поколения, родившегося на чужбине», – пишет его биограф Е. П. Высоцкая (Высоцкая 2018). В своих работах он доказывал, что основой русской жизни и русской культуры является Православие и, вслед за Ф. М. Достоевским, утверждал: «И только тот, кто до конца поймет значение Православия для русского народа, может понять, в чем заключается сущность русского культурного типа» (Месняев 1953). Г. Месняев оставил о себе память как о человеке, открытом к диалогу, – сообщает внук писателя, – в круг его общения входили такие разные по своим общественно-политическим взглядам лица, как митрополит Анастасий (Грибановский), Борис Зайцев, Роман Гуль, Борис Бразоль, Андрей Седых, Марк Вейнбаум (Месняев 2014).

Находясь в Германии, Месняев познакомился с книгами Шмелева, написанными за рубежом. Они стали для него настоящим откровением. Критик

обнаружил в них поразительное созвучие своим представлениям о России и ее драматической истории. В Шмелеве он увидел большого русского писателя, не похожего на других, отличающегося своим пониманием России, веры и души русского народа. Особенно впечатлило его одно из последних произведений Ивана Сергеевича – «Записки неписателя». Оно и послужило поводом для того, чтобы обратиться к Шмелеву с письмом: «... В Вашем глубоко правдивом противопоставлении отношения духовно здоровой части русского народа к событию 1-го марта и отношения к нему же интеллигента (в лице нигилиста-дяди) – я нашел полное и глубоко радующее меня подтверждение моих дум и мыслей о России и русском народе», – делится он с писателем. Позже в своих статьях о духовном пути России Месняев не раз обращался к «Запискам неписателя».

В последующих письмах Григорий Валерьянович говорит о своем понимании творческой личности Шмелева и о том значении, которое имеют его произведения для русских эмигрантов: «Нетрудно понять, каким утешением и откровением были эти книги для нас, особенно в нашем тогдашнем положении угнетенных и бесправных русских. <...> Я понял, что Вы заняли в нашей литературе свое особое место, сказали свое собственное слово, которое роднит Вас с теми замечательными русскими людьми (например, Лесков, Ключевский), которых объединяет любовь к своему родному, понимание русской народной души, нашего прошлого» (письмо 3).

В переписке представляют интерес несколько моментов. Месняев делится воспоминаниями о событиях 1905 г. в Нежине («Нежинский погром»), свидетелем которых он был, – в надежде, что они могут пригодиться Шмелеву. Он подчеркивает, что беспорядки были пресечены самими местными жителями – крестьянами: «Порядок был установлен и установлен не растерявшейся властью, а самым настоящим народом, по его собственному почину и собственными средствами. Это была не “полицейская провокация”, не “черная сотня”, как часто называли тогда подобные народные выступления, – это был действительно самый подлинный народ» (письмо 1).

Любопытны первые впечатления Месняева от американской действительности. Он полагает, что Шмелеву «как сердцеведу» будут интересны ощущения русского человека, попавшего в Новый Свет. Месняев не ошибся, посчитав эту тему близкой Шмелеву: в его романе «Няня из Москвы» (1935) героиня делится своими впечатлениями от пребывания в Америке. Отдавая должное американскому народу, «создавшему за какие-нибудь 200 лет такое своеобразное, свободное и богатое государство»,

упомянув превосходные бесплатные музеи, Месняев признается, что весь комфорт здешней жизни все же не в состоянии «вытеснить неутоленного чувства родины» (письмо 4). Он надеется найти в Америке книги Шмелева, которые не удалось прочесть в Европе: «Няню из Москвы», вторую часть «Путей небесных», завершение «Лета Господня».

Сохранилось единственное ответное письмо Шмелева, оно датировано 15 июля 1949 г. Иван Сергеевич благодарит за высокую оценку «Записок неписателя», одобряет литературное поприще своего корреспондента («вам надо писать») и говорит о своем главном побудительном мотиве для творчества: «Если бы наш образованный слой понимал свой чудесный народ! Что было бы!.. С таким народом можно преобразить мир! Верю. Сим и движусь».

Письма Г. Месняева к И. С. Шмелеву публикуются по автографам из архивного собрания Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына (ДРЗ. Ф. 41 (И. С. Шмелев). Оп. 3. Ед. хр. 425). Тексты печатаются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией (Месняев пользовался новой орфографией, Шмелев – старой). Конъектуры заключены в угловые скобки. Подчеркивание и разрядка текста принадлежат авторам писем.

Г. В. Месняев – И. С. Шмелеву¹

18 июня 1949 г., Линдау

18.6.<19>49.

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Прошу простить меня за то, что я, не зная Вас лично, обращаюсь к Вам с этим письмом. Оно является следствием того, я бы сказал, потрясающего ощущения, которое я пережил, прочитав в «Русской мысли» ту часть Ваших изумительных «Записок неписателя»², которая касается страшного дня 1-го марта 1881 года³. Этому дню в нашей литературе посвящено немало, разной художественной ценности, страниц: слабых, как «Цареубийца» Краснова⁴; умных и тонких, как «Истоки» Алданова⁵. Но мне до сих пор нигде не приходилось читать о том, как отозвался на это событие настоящий русский народ, народная толща, а не интеллигенция. Мне недавно пришлось вступить в небольшую полемику с С. П. Мельгуновым и И. М. Херасковым⁶, в которой я, ратуя за то, что мы должны в корне пересмотреть свое отношение к прошлому и очистить его от специфически интеллигентского освещения и той клеветы, которая, в силу своей давности, как бы канонизировалась, – проводил мысль о том, что дореволюционная либеральная и радикальная интеллигенция настолько оторвалась от народа,

от его понятий, верований, обычаев и нравов, что между ними образовалась непроходимая пропасть, приведшая русское государство и русский народ к гибели.

Как пример этого отрыва я указывал на событие 1-го марта и на различное к нему отношение интеллигенции и народа. Под последним же я понимаю то, что раньше называлось «простым» народом, то есть: крестьян, ремесленников, купцов, духовенство – словом, весь тот подлинный русский люд, населявший мценские и чернские уезды, Болховы, Обояни и Щигры.

И вот, в Вашем изумительном по силе художественного изображения произведении, в Вашем глубоко правдивом противопоставлении отношения духовно здоровой части русского народа к событию 1-го марта и отношения к нему же интеллигента (в лице нигилиста-дяди) – я нашел полное и глубоко радующее меня подтверждение моих дум и мыслей о России и русском народе.

И если это Вам хоть немножко нужно, то примите от меня, рядового русского человека, глубоко чувствующего и любящего то же, что, думается мне, любите и Вы, – самую глубокую благодарность и чувство искреннего восхищения.

Одновременно мне хочется поделиться с Вами некоторыми моими детскими воспоминаниями, которые имеют, на мой взгляд, известную аналогию с описываемым Вами событием, не по хронологии, а по духу. Я говорю о 1905 годе.

В то время мой отец служил в уездном городе Черниговской губернии – Нежине (сами мы природные туляки). Этот город был не лишен некоторого своеобразия. В нем сочетались: остатки седой малороссийской старины в виде внушительного и очень оригинального по архитектуре, гетманских времен, собора (им заинтересовался Лукомский⁷, его зарисовавший); монастырь Стефана Яворского; александровский ампир, представленный Институтом князя Безбородко и потомками переселенных Александром I греков, с их ампирной греческой церковью, александровским греческим училищем, несуразными зданиями упраздненного греческого монастыря и т. д. Самое же примечательное, конечно, было то гоголевское, что сказывалось и в типичной для времен диканьковских вечеров природе, и в тех крестьянских типах разных Небожей, Довгунов, Шпаков и Пык, которые как будто только что сошли со страниц «Вия», «Майской ночи» или «Сорочинской ярмарки». Нежин, хотя и был городом, но его небольшой центр с Гоголевской улицей и памятником Гоголю – терялся в окружающих его со всех сторон предместьях, разных Магерок, Мигалевок, Авдеевок и проч. Эти предместья, с выбеленными мазанками, вишневыми садовыми и

подсолнухами – были чистойшей деревней; самой что ни на есть типичной «хохландией». Обитатели ее – степенные, неуклюже-громадные, флегматичные, зажиточные хохлы в бараньих шапках зимой, в широких «брылях» летом и в страшных по своей тяжести, прочности и каменности, смазанных дегтем сапогах. Почему-то некоторые из них официально назывались «казаки», другие – «крестьяне», хотя никакой разницы между ними уже не было. Жили они, конечно, патриархальным, крепко устоявшимся бытом: с «колядками» и «звездой» на Рождество; с поминаниями «дидов» в Родительскую субботу и т. д. Такие же крестьяне обитали и в соседних богатых и громадных деревнях и селах уезда.

И вот эти-то мужички и сказали свое веское слово во время событий 1904–05 годов, после опубликования манифеста 17-го октября. Нежин не избежал общего революционного поветрия⁸. И в нем, как и в других городах и весях, кто-то стрелял, или бросил бомбу в полицмейстера и убил несколько городских; и в нем вдруг обнаружили из среды почтовых чиновников, фармацевтов и адвокатов свои революционные трибуны; и в нем осаждали тюрьму, ходили с красными флагами и с пенем Марсельезы. Революционная «молодежь», или «демократы», как их называли нежинские обыватели, ликуя по поводу манифеста и грядущего, по их мнению, падения царской власти, – проявляли себя очень бурно. Они ходили по учреждениям и учебным заведениям, закрывали их, проносили страстные речи и в самых непривычных для тогдашнего русского человека выражениях поносили царскую власть, власть вообще и, наконец, где-то разорвали царский портрет. «Мы Вам дали Бога, дадим и царя...» – якобы такие слова кем-то из евреев были сказаны, а может быть, только им приписаны.

Как бы то ни было – все это вызвало немедленную и внушительную реакцию со стороны «дядьков», как назывались в Нежине крестьяне. На другой день после описанных демонстраций площадь перед собором кишела бараньими шапками, бородами и длинноусыми, но уже не флегматично-добродушными, а суровыми лицами. С базара, с кнутовищами в руках, оставив свои возы, запряженные меланхоличными волами, стекались «дядьки» творить суд над демократами. Служился молебен; «Спаси Господи люди Твоя» – торжественно звучало перед притихшей толпой; приведенные откуда-то местные лидеры революции должны были, по приказу суровых хохлов, становиться на колени перед портретом царя и ему кланяться, причем, вероятно, не обошлось без некоторого телесного воздействия и отеческого внушения. Пострадали и евреи; начался погром, но дальше перин, к счастью, дело не по-

шло. Порядок был установлен и установлен не потерявшей властью, а самым настоящим народом, по его собственному почину и собственными средствами. Это была не «полицейская провокация», не «черная сотня», как часто называли тогда подобные народные выступления, – это был действительно самый подлинный народ. У меня нет средств изобразить все это лучше и ярче; мое описание – это только бледный протокол. Я не могу передать самого характерного: живых слов и высказываний этих простых русских людей. Но все же мне кажется, что какие-то нити соединяют описанные Вами события с тем, что вспомнилось мне. И передо мной при этом встает вопрос: когда же эта нить прервалась и не навсегда ли?

Не знаю, заинтересуют ли Вас, и в какой степени, эти строки. Я их написал под впечатлением написанного Вами, если можно так сказать, как дань благодарности за те минуты острого художественного наслаждения, которое я получал и получаю, читая Ваши произведения (увы, редко и отрывочно, ибо имею возможность, и то не всегда, читать только то, что печатается из Вашего в газетах).

Позвольте же еще раз от всей души поблагодарить Вас и пожелать Вам долголетия для того, чтобы Вы могли еще много написать той правды о нашей земле и о наших людях, которую не может не чувствовать и не любить человек, преданный Руси.

Надеюсь, Вы не посетуете на меня и за это письмо, и за то, что я написал его на такой неподходящей бумаге. Последнее объясняется условиями нашего быта.

Искренне и глубоко Вас уважающий и чтущий
Г. Месняев
Lindau (B<avaria>) Hauptstr<aße>
Германия
G. Mesnjaeff

2. И. С. Шмелев – Г. В. Месняеву⁹

15 июля 1949 г., Париж

15.7.<19>49

Многоуважаемый г<осподин> Г. Месняев – почему не дали В<ашего> им<ени>-отчества?

Благодарю за Ваше письмо с высок<ой> оценкой «Зап<исок> непис<ателя>», п<ись>мо умное (мудрое), красочное (у В<ас> несомн<енное> дарование и в образности) и меткое. Если бы все мы были т о г д а такими-то «государств<енными> интеллигентами»!

Вы, думаю, юрист. И – что еще чудесно: Вы очень скромны. И хотел бы, но не могу послать Вам что-ниб<удь> из своего: (неразборчиво), и все разослано, из авторских книг.

Вы меня не читали... – Вы, очев<идно>, откуда? Снесите с моими преданнейшими друзьями в Мюнхене: Раиса Гаврил<овна> Soëmmerring и ее дочь Ludmila Soëmmerring¹⁰, München 8 (136), Navelstrasse 10-I, Bayern, Allemagne, USA Zone, они Вам что-ниб<удь> пошлют для чтения, сошлитесь на меня. «Лето Господне» – читали, нов<ое> изд<ание>? «Богомолье»? «Пути Неб<есные>» – Что было напис<ано> в Росс<ии>, – 1/5 ч<асть> напис<ано>го здесь.

Сл<ава> Богу, читатель у меня есть – и – чуткий. И – что важно – новый читатель оттуда и принимает душой даже трудное (по духу) – «Неупиваемую» Чашу».

Знаю, что «Зап<иски> непис<ателя>» не для газеты, но – такова наша скудость во всем.

Вы, думаю, лет на 15 мол<оже> меня: я родился в 1875 г. Вам надо писать. Еще раз – спасибо.

Если бы наш образов<анный> слой по-ни-мал свой чудесный народ! Что было бы!.. С таким народом можно преобразить мир! Верю. Сим и движусь. Да все еще не могу вложиться в эту основную (художественную) работу. А только о России и писал!

Жму руку.

Ваш Ив. Шмелев.

З. Г. В. Месняев – И. С. Шмелеву¹¹

5 августа 1949 г., Бремен

5.8.<19>49

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Я получил Ваше исключительно милое письмо как раз накануне своего отъезда из Линдау и очень благодарю Вас, во-первых, за то, что Вы нашли время мне ответить, и, во-вторых, за столь лестную оценку мною написанного. Я знаю, что некоторые способности к писательству у меня есть, но их слишком недостаточно для того, чтобы писать по-настоящему. А кроме того, уже поздно вато начинать.

Сейчас я с семьей нахожусь в Берлине и, вероятно, послезавтра отправляюсь в «Новый Свет», откуда, если Вы позволите, и напишу свой адрес; может быть, еще когда-нибудь мне напишите и пришлете что-нибудь из Ваших книг, если я не смогу приобрести их в Соед<иненных> Штатах.

Живя в Советской России, я, естественно, не только не читал ничего написанного Вами за границей, но даже не знал, пишете ли Вы и что. Знал Вас только по дореволюционному «Человеку из ресторана». Однако я был уверен, что за границей лучшие русские писатели не могут безмолвствовать, и мне было крайне грустно думать, что я никогда больше не прочту ничего истинно художественно-

го. Но Богу было угодно, чтобы я на склоне своих дней (мне сейчас 57 лет) – еще раз глотнул свежего воздуха.

Здесь, в Германии я, совершенно чудесным образом, встретился со своим братом, с кот<орым> мы расстались 23 года назад еще в Добр<овольческой> армии¹². Жена брата – энтузиастка вообще и энтузиастка Вашего таланта, в частности, – привезла к нам в баварскую деревушку, где мы подневольно работали на лесопильном заводе, несколько книг, и среди них «Пути небесные»¹³. Нетрудно понять, каким утешением и откровением были эти книги для нас, особенно в нашем тогдашнем положении угнетенных и бесправных русских, слышавших только швабскую речь, не имевших ни одной печатной по-русски строчки и бывших под началом туповатых швабов. Прочтя, или, вернее, проглотив эту книгу, в которой так чудесно описана старая Москва и старая русская жизнь, – я увидел, что ее стиль, ее дух во многом отличаются от реалистического стиля и духа «Человека из ресторана». Я понял, что Вы заняли в нашей литературе свое особое место, сказали свое собственное слово, которое роднит Вас с теми замечательными русскими людьми (например, Лесков, Ключевский), коих объединяет любовь к своему родному, понимание русской народной души, нашего прошлого.

Я считаю, что наше прошлое, своеобразие нашего быта – должны быть очищены от тех наслоений клеветы, лжи и искажения, которые, увы, накапливались поколениями русской интеллигенции, оторвавшейся от народа, ему непонятной и чуждой. И вот поэтому Ваше творчество, раскрывающее народную душу, показывающее то, что было истинно ценно в русском человеке, – мне особенно близко, дорого и ценно. Из Ваших произведений, кроме первой части «Путей небесных», я знаю «Неупиваемую чашу», «Мэри», «Степное чудо», «Въезд в Париж». Конечно, жажду прочесть полностью и «Пути небесные», и «Лето Господне», и «Няню из Москвы» – надеюсь, что все это найду в Америке, и мне кажется, что книги эти будут мне утешением в еще большем отдалении от России, в условиях жизни, во всем отличных от всего того, к чему я привык с детства в тульско-орловско-калужских местах. Конечно, очень бы хотелось получить какую-либо из книг лично от Вас.

Теперь же, накануне оставления Европы, – позвольте еще раз поблагодарить Вас и высказать чувство глубокого уважения и восхищения и пожелать Вам всего, всего лучшего.

Глубоко Вас чтущий

Г. Месняев (Григорий Валерианович).

4. Г. В. Месняев – И. С. Шмелеву¹⁴

27 сентября 1949 г., Нью-Йорк

27.9.<19>49. Нью-Йорк

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

Еще раз беру на себя смелость напомнить о себе и теперь уже из Нью-Йорка.

Нельзя не удивляться и не завидовать силе и энергии народа, создавшего за какие-нибудь 200 лет такое своеобразное, свободное и богатое государство. Верно, здесь есть и духовная жизнь, не берусь судить, какая. Взять хотя бы музеи, которые я, томясь в бездействии досуга, то есть до поступления на работу (сейчас я привратник на фабрике) успел посмотреть. Сколько труда, не говоря уже о миллионах знаний, любви и вкуса, – вложено в них. Умиляет, что вход в них совершенно свободный, бесплатный. Вот Вам и капиталисты! В Европе, по-моему, этого нет. И, однако, для меня здесь нет тепла, нет уюта домашних пенатов, нет поэзии. Никакое великолепие, богатство и доведенные до предела жизненные удобства – не могут вытеснить неутоленного чувства родины. Где бы я ни был, а моей настоящей родиной остается Тула, Калуга, Орел – центр России. Настоящая она в том смысле, что я там не только родился, но тем, что там с самых малых лет зародилось во мне то непередаваемое словами ощущение теплоты, органической близости к природе, к быту, к людям именно этого края. Помню, мне едва ли было больше четырех лет, когда я с матерью ехал на лошадях где-то около Тулы. Размытые дождями дороги, изба, где мы останавливались, армяк мужика-возчика, подвязанные хвосты лошадей – все это навсегда, если можно так сказать, ввелось в мою плоть и кровь. И когда я читаю у Вас и других писателей нашего края описания наших большаков, грозových туч, нависших над полями, и т. д., – я необычайно остро ощущаю предельную близость ко мне и этой природы, и того склада, который сейчас, конечно, уже исчез. Я ощущаю даже такие мелочи, как лучинки на загнетке, запах дымка, навоза, жужжанье мух в избе, бляение овец, вечерами возвращающихся домой, перекликанье петухов в летние ночи и т. д. и т. д.

Кто все это ощущал, конечно, для него всегда будет чужд и холоден и Нью-Йорк, и весь стиль американской жизни. Однако все это лирика. Пишу же я о ней, во-первых, потому, что Вам как сердцеведу, может быть, будут интересны ощущения русского человека, попавшего в Новый Свет, а во-вторых, и из-за труднообъяснимого желания сказать все это именно Вам. Надеюсь, что Вы за это на меня не посетуете. Здесь, говорят, есть хорошая русская библиотека, в которой я рассчитываю найти все Ваше,

еще мною не читанное, то есть почти все, что написано Вами за границей. Жажду прочесть «Няню из Москвы», о которой так много слышал, однако боюсь, что не найду здесь ни второй части «Путей небесных», ни «Лета Господня». Может быть, они есть в книжных магазинах, но пока не знаю, где они здесь. Все же, если будет Ваша милость, – пришлите мне какую-нибудь Вашу книгу, может быть, из названных выше, и очень хотелось бы с Вашей надписью. Доставьте мне и моим домочадцам – великую радость. Я со времени отъезда из Европы ни разу еще не видел «Русской мысли», и мне крайне обидно, что пропускаю изумительные «Записки неписателя», которые и послужили поводом к тому, что я решился Вам написать. Буду просить В. Ф. Зеелера¹⁵ прислать мне комплект номеров с «Записками».

Прошу простить за надоедливость, но, верно, это участь каждого большого писателя, так сказать, «бремя славы», что к нему обращаются желающие излить свою душу. Буду крайне рад, если Вы найдете свободную минуту на два-три слова ко мне.

Вас искренно чтущий и уважающий
Г. Месняев

5. Г. В. Месняев – И. С. Шмелеву¹⁶

18 октября 1949 г., Нью-Йорк

18.X.<19>49. Нью-Йорк

Дорогой Иван Сергеевич!

Простите, что обращаюсь к Вам так. Это не фамильярность. Вы действительно дороги не только мне, но и очень многим русским людям, находящим в Вашем творчестве утешение и радость.

Вчера ночью, сидя как привратник у дверей американской фабрики, при ярком свете неоновых ламп, под гул машин, в окружении негров, то есть в обстановке, не имеющей и ноты сходства и близости к России, – я физически ощущал дуновение той России, которая когда-то была, в которой Бог дал нам счастье родиться и, хоть и недолго, пожить в ней, и которой никогда больше не будет. Произошло это потому, что я, забыв на время и гудящие машины, и негров, и весь окружающий меня американизм, с глубоким волнением читал в последней книжке «Возрождения» Ваше «Приволье»¹⁷.

Не преувеличивая, могу сказать, что в эти минуты я ощущал то душевное и физическое приволье, которое отличало нашу родину, ее несравненную природу, ее людей, ее быт. Как непередаваемо отрадно было мне вновь услышать «вора-воробья» – песню, которую певала моя мать и которую я, в дни юности, слышал в хороводах нашего Белевского уезда. А этот бесхитростный, душевный, просто русский человек – Ваш дьякон! Какое наслаждение

слушать его, такие простые и вместе с тем глубокие и тонкие суждения о Чехове. Последний, мне кажется, сам считал себя неверующим, не зная, что в нем живет такое глубокое религиозное чувство. А вот дьякон его разоблачил, и понял его так, как, может быть, он сам не понимал себя. «И скажет ему Господь: “Добрый рабе, благий и верный Антоние, вниди в радость Господа Твоего”. Велика в сем правда». Как это бесподобно хорошо!

Да, действительно, Чехов, не отравленный, или, вернее, мало отравленный специфическим интеллигентским ядом, как звезда первой величины, входит в то созвездие замечательных русских людей, как Пушкин, Достоевский, Ключевский, еврей Гершензон (как это ни странно), – которые не только любили Россию (может быть, по-своему любил ее и Чернышевский, и Желябов с Михайловым), но глубоко понимали и чувствовали ее душу, душу русского простого человека. К этой блестящей плеяде, бесспорно, относитесь и Вы и занимаете в ней замечательное место.

В нашем «приволье» поистине было много чудных простых людей. Помню я, в запасном полку, во время войны, в то время, когда я спал на нарах с солдатами, – у нас был ефрейтор Голуб. Настоящий ефрейтор, молодец молодцом, статный, бравый, с туго закрученными пшеничными усами. Но какой это был чуткий, деликатный человек, как просто и ясно смотрел он на мир, какие верные и тонкие были его суждения, как он, не роняя своего ефрейторского достоинства и ничуть не ослабляя дисциплину, – умело, ласково и чутко обращался с подчиненными.

Честь и слава Вам, дорогой Иван Сергеевич, за то, что Вы так волшебным умом показываете нам русскую

душу и вызывать у нас слезы умиления и воскрешать и оживлять самые близкие и родные воспоминания.

Из полученного здесь каталога «Возрождения» я узнал, что все Ваши книги я могу выписать из Парижа. Это я, конечно, постепенно, накопив деньги, сделаю. А потому я беру назад свою, не совсем деликатную, к Вам просьбу о присылке мне одной из Ваших книг. Если бы Вы, взамен ее, могли бы прислать свою карточку с несколькими словами, – я был бы очень обрадован и утешен.

Прошу простить мои, может быть, навязчивые письма. Обещаю впредь воздерживаться от них, если Вы, как говорится часто теперь, не спровоцируете меня новым «Привольем».

Глубоко уважающий и чтущий Вас
Г. Месняев

6. Г. В. Месняев – И. С. Шмелеву¹⁸
7 апреля 1950 г., Нью-Йорк

7.IV.<19>50 г.

Глубоко чтимый и дорогой Иван Сергеевич!

Христос воскрес! Поздравляю от себя и от многих других Ваших почитателей со Светлым Праздником. Дай Вам Бог здоровья и долголетия во славу и в утешение русских людей. Очень волновались все мы, читая о тяжелой операции, которую, благодарение Богу, Вы благополучно перенесли.

Посылаю Вам, как знак моего глубокого уважения к Вам, мою статью, напечатанную в «России»¹⁹ и навеянную Вашим изумительным «Привольем».

Искренне Вас уважающий и чтущий
Г. Месняев

Примечания

¹ ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 506. Л. 1–5 об. Автограф.

² «Записки писателя» И. С. Шмелева печатались в газете «Русская мысль» в 1948–1949 гг.

³ Имеется в виду убийство императора Александра II 1 марта 1881 г.

⁴ Исторический роман «Цареубийцы» (1938) П. Н. Краснова (1869–1947) рассказывает об эпохе 1870–1880-х годов, о Русско-турецкой войне, о террористах-народовольцах, о гибели императора Александра II.

⁵ «Истоки» (1947) – исторический роман М. А. Алданова (1886–1957), посвященный революционному движению и терроризму в России.

⁶ Скорее всего, речь идет об отклике Месняева на сборник «За свободу России», который вышел в Париже в 1948 г. под редакцией С. П. Мельгунова при ближайшем участии А. В. Карташева и И. М. Хераскова. Сергей Петрович Мельгунов (1880–1956) – историк, издатель и публицист. В послевоенные годы руководил эмигрантскими организациями «Союз борьбы за свободу России» и «Союз борьбы за освобождение народов России». Г. В. Месняев был единомышленником С. П. Мельгунова. Иван Михайлович Херасков (1878–1963) – историк, публицист, литературный критик. В 1955 г. входил в Комитет помощи С. П. Мельгунову. Член парижской группы Союза борьбы за свободу России.

⁷ Георгий Крескентьевич Лукомский (1884–1952) – график, акварелист, историк архитектуры, популяризатор петербургского и регионального краеведения.

⁸ В октябре 1905 г. в Нежине (Черниговская губ.) произошли беспорядки, спровоцированные манифестом 17 октября 1905 г., даровавшим политические свободы. Группы революционно настроенных студентов,

гимназистов закрывали учебные и торговые заведения, разрывали портреты царя в присутственных местах. Им противодействовали нежинцы, заставив студентов носить портрет царя по городу, принудив к публичному раскаянию и к клятве верности самодержцу. В то же время под прикрытием патриотических демонстраций совершались разгром и разграбление еврейского имущества. Царские власти пытались пресечь погромы, видя в них проявление опасного беззакония.

⁹ ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 1. Машинописная копия. На листе надписи рукой Г. Месняева: «Копия. С подлинным верно, Г. Месняев» и «Prière de faire suivre. Merci!» (Пожалуйста, проследите за этим. Спасибо!).

¹⁰ Людмила Гербертовна Кёлер (урожд. Земмеринг; 1917–2006) – специалист по славянским языкам и литературе. Окончила гимназию в Риге, во время войны вместе с родителями эвакуировалась в Германию, где в 1948 г. окончила юридический факультет Мюнхенского университета. Позднее переселилась в США, с 1967 г. – профессор кафедры славянских языков и литератур Питтсбургского университета. С Людмилой и ее матерью Раисой Гавриловной Земмеринг (урожд. Башкировой) Шмелев познакомился во время своей поездки в Латвию в 1936 г. Дружеская переписка с ними продолжалась много лет; они помогали писателю посылками в военные и послевоенные годы.

¹¹ ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 506. Л. 7–8 об. Автограф.

Обратный адрес на конверте: G. Mesnjaeff. Bremen-Grohn. Transition Lager. Germany.

¹² Петр Валерианович Месняев (1896–1971) – участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции во Франции. После 1945, работая в международной организации, спасал бывших советских граждан от принудительной выдачи в СССР. С начала 1950-х годов в США. Секретарь Союза русских военных инвалидов в Нью-Йорке.

¹³ Галина Федоровна Месняева (1906–1992) – жена П. В. Месняева. В письме к Шмелеву от 14 сентября 1948 г. она сообщает о себе: «А я сама из Харькова, за границу выехала 12 лет, <в> 1920, в феврале, с Харьковским институтом благородных девиц. Жили мы в Сербии, в Турском Бечее. В 1926 г. в феврале месяце я переехала по контракту во Францию, там же и замуж вышла за бывшего белого офицера. Ну и намаялась же я с ним, да и до сих пор с ним маюсь. Из Франции я уехала в Германию <в> 1942 г. в феврале месяце».

В том же письме она рассказывает, что вывезла из Франции том «Путей небесных» и часто перечитывает его: «Я приношу Вам мою самую сердечную благодарность за эту чудеснейшую книгу. Сколько сладких слез, горячего раскаяния испытала я, погружаясь в описания жизни светлой Дариньки. А самое главное, я обрадовалась ужасно тому, что есть на земле такой же русский, как и я, человек, который понял всю эту святую метафизику...». Заканчивает письмо теплым пожеланием: «Дай Бог Вам, дорогой Иван Сергеевич, здоровья и долголетия! Чудесного и светлого жития и творчества на пользу русского народа, для просветления его поколебленной души» (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 507. Л. 1–3 об.).

¹⁴ ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 506. Л. 9–9 об. Автограф.

Обратный адрес на конверте: «с/о Miss T. Visotsky. G. Mesnjaeff. 1231 Sheridan Ave. Ap. 18. Bronx 56, New-York, N.Y.».

¹⁵ Владимир Феофилович Зеелер (1874–1954) – журналист, критик, мемуарист. Генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов. С 1947 г. член редколлегии газеты «Русская мысль».

¹⁶ ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 506. Л. 11–13. Автограф.

¹⁷ Рассказ И. С. Шмелева «Приволье» опубликован в журнале «Возрождение», 1949, № 5.

¹⁸ ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 506. Л. 14. Автограф.

¹⁹ Месняев Г. В. Приволье // Россия. 1950. 7 апр. № 4354. С. 2, 4. Десять лет спустя в той же газете автор опубликовал статью «Русское приволье» (Россия. 1961. 30 дек.), включив в нее фрагмент из первой работы.

Источники и материалы

ДРЗ – Архив Дома русского зарубежья имени А. Солженицына.

Месняев 1953 – Месняев Г. В. Слово о русской культуре // Православная Русь. 1953. № 19, 1/14 окт. URL: <https://proza.ru/2016/10/22/144> (публикация А. Н. Стрижева, М. А. Бирюковой) (дата обращения: 03.03.2026).

Месняев, Письма к Шмелеву – Месняев Г. В. Письма к И. С. Шмелеву // ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 506.

Шмелев 1949 – Шмелев И. С. Письмо к Г. В. Месняеву от 15 июля 1949 г. // ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 243.

Научная литература

Высоцкая Е. П. Токмо за совесть. Писатель Григорий Месняев // Донской временник. 2018. Вып. 26. С. 138–147. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m18/1/art.aspx?art_id=1590 (дата обращения: 03.03.2026).

Месняев Г. П. Предисловие к публикации хроники Г. В. Месняева «Предки» // Новый журнал. 2014. № 277. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2014/277/predki.html> (дата обращения: 03.03.2026).

References

Vysotskaia, E. P. 2018. Tokmo za sovest'. Pisatel' Grigorii Mesniaev [Only for the conscience. The writer Grigory Mesnyaev]. *Donskoi vremennik* 26: 138–147. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m18/1/art.aspx?art_id=1590 (date of access: 03.03.2026).

Mesniaev, G. P. 2014. Predislovie k publikatsii khroniki G. V. Mesniaeva «Predki» [Preface to the publication of G.V. Mesnyaev's chronicle «The Ancestors»]. *Novyi zhurnal* Vol. 277. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2014/277/predki.html> (date of access: 03.03.2026).

«YOU ARE SO MAGICALLY ABLE TO SHOW US THE RUSSIAN SOUL...» LETTERS OF G. V. MESNYAEV TO I. S. SHMELEV (1949–1950)

Abstract. For the first time letters of the Russian emigrant critic and publicist Grigory Mesnyaev to Ivan Shmelev are introduced into scientific circulation. The published letters give an idea of how significant Shmelev's personality and work were for the nationally oriented part of the Russian emigration. The letters reveal G. Mesnyaev's conceptual view of Shmelev's work and his artistic and religious understanding of Russia. Critic sees Shmelev as a writer who occupies a special place in Russian literature. He deeply felt Russia, penetrated into the depths of its spirit and revealed the soul of the Russian people.

Keywords: Ivan Shmelev, Grigory Mesnyaev, Russian emigration, Russian literature, correspondence.

Authors info: Lyubomudrov, Alexei M. – Dr. of Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: anketaspb@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

For citation: Lyubomudrov, A. M. 2026. «You are so magically able to show us the Russian soul...» Letters of G. V. Mesnyaev to I. S. Shmelev (1949–1950). *Tradition and Modernity (Traditsii i Sovremennost)* 44: 78–86

